

ВЫСТАВКА

“я никак не новатор”

Газета — 2003. — 13 февр. — с. 15

СЕРГЕЙ САФОНОВ

В Музее личных коллекций открылась выставка «Обозначенное пространство». На ней представлены акварели и книжная графика Бориса Маркевича (1925—2002) из собраний ГМИИ имени А.С. Пушкина и семьи художника.

Нынешняя экспозиция Бориса Маркевича — не просто творческий портрет художника, а, как сказал на вернисаже его старый друг, искусствовед Дмитрий Сарабьянов, второе прощание. Маркевича не стало минувшей осенью, так что усилия сотрудников музея по подготовке выставки поражают не только профессионализмом, но и оперативностью.

Маркевича принято причислять к художникам-шестидесятиникам. Наверное, причиной тому его хорошо известные акварельные пейзажи с прозаической сельской архитектурой — нечто похожее в годы хрущевской «оттепели» возникало то в живописи Павла Никонова и Николая Андропова, то в рисунках Виктора Попкова и Карла Фридмана. На самом деле он появился на московских выставках раньше: уроженец Харькова и выпускник графического факультета столичного Суриковского института, Маркевич впервые публично показал свои работы на рубеже пятидесятых.

Его было принято числить по разряду книжных иллюстраторов. Удобное устройство советской художественной иерархии: вступил в секцию живописи — не смей показывать на выставках графику; оформляешь книги — складывай станковые произведения на стеллаж. Маркевич действительно был превосходным рисовальщиком; среди его лучших работ не только деревенская проза Распутина и Астафьева, но и булгаковские «Мастер и Маргарита», «Литературные портреты» Андре Моруа, рассказы Михаила Зощенко. Он автор оформления трехтомника Павла Бажова, «Избранного» Александра Грина, произведений Томаса Манна и Жоржа Сименона. Еще в 1962-м международный справочник Who's who in Graphic Art называл Маркевича в числе лучших графиков мира. Множество авторов, начинавших с оформления книг в годы «оттепели», оказались впоследствии востребованы в так называемом современном искусстве. На формирова-

нии их личностей сказывалось качество иллюстрируемых текстов — ведущих за собой, заставляющих задуматься над окружающей жизнью. Путь Маркевича оказался иным. «Много лет большую часть времени забирала у меня работа в книге, но в последние годы она стала отходить на второй план, уступая место акварельной живописи», — признавался сам художник в конце восьмидесятых.

«Разумеется, в акварели я никак не новатор», — искренне заблуждался Маркевич. Это очень смелый шаг со стороны музея: разместить по соседству, почти столкнуть художников, так по-разному понимающих акварель. Маркевич нашел свой, уникальный способ работы этим материалом. У Фонвизина (о его выставке, также открытой в МЛК, *Газета* рассказывала на прошлой неделе) — легкость образов, переданных в одно касание. У Маркевича — аскетизм в отборе предметов, фрагментарность пейзажей, плотность тона; уникальность техники акварельного письма, позволяющей работать акварельными красками долго, неспешно совершенствуя изображение и приближаясь к цветовой насыщенности масляной живописи.

Главный жанр акварелей Маркевича — натюрморт; на протяжении последних десятилетий он не оставался неизменным. В работах восьмидесятых сочетания предметов незатейливы. Картофелины на столе. Деревенская крынка. Чеснок и буханка черного хлеба. К девятости пространства натюрмортов заметно опустели. Портретируемые предметы, расположенные по центру листа, становятся почти ничтожны: два спичечных коробка, обручальное кольцо, капля воды. Маркевич никогда не переходит ту грань, за которой его можно было бы упрекнуть в фотореализме, — он изображает все эти «мелочи» документально ровно настолько, чтобы только не утратить узнаваемости своего предмета-героя.

Тут-то и возникает вопрос, какое искусство считать по-настоящему современным. В отличие от произведений художников авангарда (и их разновозрастных последователей), работы Бориса Маркевича лишены любой внешней жестикюляции, автор не заставляет зрителя обращаться на себя внимание. И в этой его творческой сосредоточенности проступают черты искусства будущего.

Борис Маркевич. Иллюстрация к «Мастеру и Маргарите» Михаила Булгакова (1988—1989)